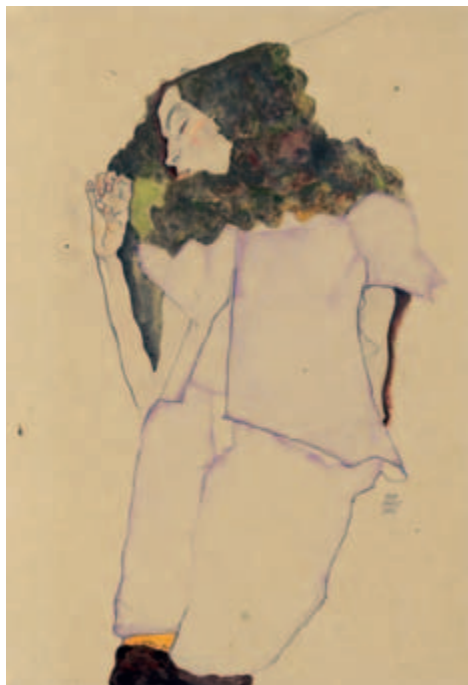

Эгон Шиле.
«Спящая
девушка»,
1911 год

Эгон Шиле.
«Автопортрет»,
1914 год

Эгон Шиле.
«Сидящая
пара»,
1915 год

Густав Климт. «Женское лицо,
щекой прижатое к рукам»,
1903 год

цев, так что парадная выставка к 25-летию со дня смерти Климта, открывшаяся год спустя в Сецессии, на треть состояла из конфискации. Но после войны живой Кокошка, участник нескольких «документ», надолго затмил

покойных Климта и Шиле — преступная орнаментальность обоих воскресала разве что в слишком венском искусстве Фриденсрайха Хундертвассера.

И Климт, и Шиле начали постепенно возвращаться в орбиту серьезных искусствоведческих интересов в 1970-е, когда то, что Герман Брох называл «веселым апокалипсисом», Карл Краус — «лабораторией конца света», а историки культуры — «венским модерном», сделалось актуальной темой. Когда весь мир, возможно поддавшись миллениаристским искушениям, вдруг принялся изучать, как из клубка национальных и социальных противоречий, из разногласий языков и риторик, из напряженных до предела нервов духовной жизни, из астении, делирия и ясного сознания обреченности Какании, столь иронично названной Робертом Музилом по имперско-бюрократическому «k. u. k.», «кайзеровская и королевская», родилось чудо этого невероятного культурного взлета отходящий в небытие империи. Историки культуры любят фрейдистские метафоры для его описания, изображая, скажем, «Молодую Вену» с ее еврейскими обертонами как

литературное бессознательное в идейной битве австрийского сионизма и австрийского же антисемитизма. И Климт с Шиле, открывшие закон тождества зрения и обладания, вследствие чего над их головами слово

«порнография», вообще-то висевшее в атмосфере эпохи, стучалось в виде обвинений едва ли не чаще, чем над головой Артура Шницлера, естественно стали любимым сюжетом для рассуждений о специфическом венском эротизме. И то, что их эротическая линия, сладострастно-томная у первого и садистски-невротическая у второго (а оба были великими рисовальщиками, поэтому не стоит расстраиваться, что в Москве выставляют только графику), так преждевременно обрывается в роковом для Какании и дышавшем испанкой 1918-м, как будто подтверждает историко-культурные спекуляции о диалектическом единстве либидо и влечения к смерти.

Что же до новой жизни после смерти, всенародное обожание обрушилось на Климта и Шиле сравнительно недавно, во многом благодаря усердию венской туристической индустрии, которая, до дыр заездив все габсбургские мифы, разобрав по косточкам Сиси и многожды оплакав двойное самоубийство кронпринца Рудольфа и Марии фон Вечера, принялась за этот золотой запас. И встретила взаимопонимание мастеров массовой культуры — личная жизнь обоих известна нам в мельчайших подробностях благодаря бестселлерам, блокбастерам и прочим мюзиклам. Но ведь и Музиль полагал, что так изящно позолоченной венской культуре на роду было написано скатываться в фельетон и оперетту.

«Густав Климт. Эгон Шиле. Рисунки из музея Альбертина (Вена)». ГМИИ имени Пушкина, Галерея искусства стран Европы и Америки XIX–XX веков, с 10 октября до 14 января 2018 года